

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ САКРАЛЬНЫХ ОБРАЗОВ ЕЛИА И УАЦИЛЛА В ОСЕТИНСКОМ (ДИГОРСКОМ) ФОЛЬКЛОРЕ

Д. В. Сокаева

Тексты осетинского фольклора, зафиксированные Г. А. Дзагуровым, представляют большой интерес для специалистов, так как записывались от лучших сказителей на протяжении большого временного отрезка. Комментируемый нами текст по своей жанровой принадлежности является легендой (фабулатом) и публикуется впервые. В нем фигурируют два самостоятельных персонажа — Елиа и Хуари-Уацелиа, которые, как считает ряд исследователей, являются вариантами одного и того же сакрального образа Громовержца осетинской традиционной веры. В то же время в осетинской (дигорской) традиции зафиксировано разделение «полномочий» Елиа и Уацилла; Уацилла — покровитель урожая, Елиа — Бог-громовержец, что и отражено в публикуемом тексте легенды «Елиай фурт (Сын Елиа)». Легенда имеет назидательный и этиологический характер. В ней говорится о том, как был установлен новый жизненный уклад, при котором нельзя не работать, данный людям сакральными образами осетинской традиционной веры. Что касается функционирования обозначенных сакральных образов в других жанрах фольклора на современном этапе, то, например, в устных рассказах о святилищах, посвященных Елиа и Уацилла, рассказчики считают эти имена вариантами имени одного и того же сакрального образа. Публикация текста легенды способствует уточнению семантики сакральных образов осетинской традиционной веры и персонажей осетинского фольклора: Елиа и Уацилла.

Ключевые слова: легенда, фабулат, осетинская традиционная вера, сакральный образ, Елиа, Уацилла

Texts of Ossetian folklore, recorded by G. A. Dzagurov, are of great interest for specialists, because they were recorded from the best narrators during a large time interval. The text commented in the present article, which is stored in the Scientific Archive of the North-Ossetian Institute of Humanitarian and Social Studies, by its genre affiliation, is a legend (fabulat) and is published for the first time. It includes two independent characters — Elia and Huari-Uacelia, who, according to a number of researchers, are variants of the same sacred image of the Thunderer of the Ossetian traditional faith. At the same time, in the Ossetian (Digorian) tradition, the division of «powers» between Elia and Wacilla is stated; Wacilla is the patron of the harvest, Elia — Thunderbolt (T. A. Khamitsaeva) — which, in fact, is reflected in the published text of the legend «Eliai Furth (Son of Elia)». The legend has an edifying and etiological character. It talks about new ways of establishing life, in which it is impossible not to work, given to people with sacred images of the Ossetian traditional faith. As for the functioning of the designated sacred images in other genres of folklore at the present stage, for example, in oral stories about the sanctuaries dedicated to Elia and Wacilla, the narrators consider these names to be variants of the name of the same sacral image. The publication of the text of the legend contributes to clarifying the semantics of the sacred images of the Ossetian traditional faith and the characters of Ossetian folklore: Elia and Wacilla.

Keywords: legend, fable, Ossetian traditional faith, sacral image, Elia, Wacilla.

Тексты осетинского фольклора, собранные Г. А. Дзагуровым, хранятся в Научном архиве СОИГСИ и представляют большой интерес для российской и мировой науки. Как пишет сам Дзагуров в предисловии к сборнику осетинских сказок [1], он был знаком с осетинским народным творчеством с детства, и эту любовь ему привила его бабушка. В последующие годы мечта собрать как можно больше осетинских фольклорных текстов не покидала его: «Самостоятельно овладев осетинской грамотой, я в 1904-1905 гг. записал около двух десятков дигорских сказок, но записи эти не сохранились, кроме одной, которая записана от сказочника С. Б. Барсагова... Собираение родного фольклора я уже тогда считал долгом служения родному народу... В студенческие же годы я осуществил свое заветное желание и в 1909 г. приступил к собиранию и записи памятников дигорского народного творчества. За две недели пребывания в своем родном селе я успел записать целый ряд нартовских и других сказаний от дигорских народных сказителей и певцов — Дзараха Саулаева (Дзараха Саулати), Сабе Медоева (Сабе Мудойти) и его сына Баззе Медоева (Баззе Мудойти)» [2, 9].

Елиа — сакральный образ осетинской (дигорской) традиционной веры (второй после Хуыцау, если мы будем считать это имя вариантом имени Уацилла). Его образ и образ святилищ, посвященных ему, фигурируют в разных жанрах осетинского (дигорского) фольклора. Например, в тексте устного рассказа об обряде вызывания дождя современного осетинского (дигорского) фольклора рассказывается о таких святилищах в Дигорском ущелье: «...уациллатан (множественное обозначение осетинского Громовержца Уацилла. — Д. С.) молились во многих местах... вот тебе Камынты Уацилла... выше его Мастынонух, Елиа Мастунонуха, здесь — Халханыг, а здесь — Елиа Мастунонуха... Вот прямо пойдешь и Ханаз

Уацилла... Еще прямо пройдешь — Елиа Ахсауа, молятся также Самцу Фаснала, но основное (святилище)¹ — посвящено елиям, а вон там ущелье елиев, и...ему режут козленка. И его (?) туда несет, и из его шкуры делают флаг. Из шкуры козленка делают что-то, похожее на флаг. Если можно, то белый»². В приведенном отрывке Уацилла и Елиа фигурируют одновременно, и рассказчик считает их одним образом. Так же считали и В. Ф. Миллер [3, 240-241], Гатиев Б. [4, 29], В. И. Абаев [5, 314-316]. К. Е. Гагкаев добавляет к названным именам «Цоппай» и говорит о «тройном обозначении этого верховного божества» [6, 121-122]. В. С. Уарзиати [7] и Г. А. Дзагуров также считают Уацилла и Елиа одним и тем же образом. Г. А. Дзагуров в комментарии к сказке «Бог, Хуари-Уацелла, Уасгерги и бедняк» пишет: «Уацелла, Хуари-Уацелла, Елиа (диг.), Уацилла, Хоры-Уацилла (ирон.) — в осетинской мифологии божество плодородия, урожая, грома» [1, 469-476]. А. А. Туаллагов приводит следующие названия опять же одного из «главных высших духов», Уацилла: Уачилла, Уацелиа, Уацелла, Уацеллаэ, Елиа, Уорс Елиа [8, 233].

В комментируемом тексте Елиа и Хуари-Уацелиа — функционально различные персонажи, каждый со своей ролью в повествовании. Елиа обращается к Хуари-Уацелиа для того, чтобы решить вопрос, связанный с земледельческим трудом. Как отмечает Т. А. Хамицаева, и в осетинской (дигорской) обрядности на них были возложены различные функции: «Семья собиралась вокруг накрытого стола, хозяин дома с треугольным пирогом (сæфсат) в одной руке, с чашей пива в другой произносил молитвословие, в котором вначале славил бога, затем обращался с просьбой о хорошем урожае к божествам: Уацилла — покровителю урожая, Елиа — богу-громовержцу, Хуарелдару — духу-покровителю злаковых растений» [9, 185-186].

В иронской среде песни, посвященные Елиа, записаны в 1937 г. Е. Е. Бараковой в с. Цамад [7].

По своей жанровой принадлежности комментируемый текст является легендой (фабулатом), так как ее персонажи являются сакральными образами осетинской традиционной веры. Легенда имеет назидательный и этимологический характер, поскольку в ней рассказывается об установлении нового жизненного уклада, при котором нельзя не работать.

Помимо констатации антропоморфности сакральных образов в фольклорном тексте, мы можем отметить как закономерность, в частности, осетинского (дигорского) фольклора большую сохраняемость во времени особенностей картины мира в фабулатах [10]. Текст легенды и его перевод на русский язык публикуется впервые, а интерпретации рассматриваемых образов на протяжении более чем столетия отражают развитие осетинской фольклористики.

-
1. Осетинские народные сказки. Запись текстов, перевод, предисловие и примечания Г. А. Дзагурова. М., 1973.
 2. Дзагуров Г. А. Предисловие // Осетинские народные сказки. Запись текстов, перевод, предисловие и примечания Г. А. Дзагурова. М., 1973. С. 6-14.
 3. Миллер В. Ф. Осетинские этюды // Ученые записки императорского московского университета. М., 1882. Вып. 2.
 4. Гатиев Б. Суеверия и предрассудки у осетин // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис. 1886. Вып. IX. Отд. III. С. 1-83.
 5. Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. М.-Л., 1958. Т. 1.
 6. Гагкаев К. Е. Сущность религии осетин. История, пережитки // НА СОИГСИ. Ф. К. Е. Гагкаева. Оп. 1. Д. 7.
 7. Уарзиати В. С. Праздничный мир осетин. Владикавказ, 1995.
 8. Туаллагов А. А. В. Ф. Миллер и осетиноведение. Владикавказ, 2010.
 9. Хамицаева Т. А. Календарные обряды и обрядовая поэзия осетин весенне-летнего цикла // Вопросы осетинской литературы и фольклора. Орджоникидзе, 1988.
 10. Игумнов А. Г. О факторах сохранности фольклорной мифологической прозы // Вестник Бурятского государственного университета. 2015. Вып. 10 (1). С. 276-281.

ЕЛИАЙ ФУРТ³

Елиайән æ фурт хъал адтæй ма йын
йе косгæ нæ кодта, йе æндæр, 'ма 'й бæл
хъурмæ кодта.

Захта Елиа:

— Йе мæ коммæ ку нæ кæсуй, йе косгæ
ку нæ кæнуй, уæд йе куд уодзæнæй?

'Ма фæццудæй ма Хуари-Уацелиамæ
бахъаст кодта:

— Мæ фурт йе косгæ нæ кæнуй, йе
хумæ нæ зæгъуй, йе хуасæ нæ зæгъуй,
хъал æй æма хæтуй, 'ма йын ци кæнон,
уой нæ зонун.

Йе ба 'ймæ дзоруй:

— Исон æз будури астау хумæ кæнд-
зæнæн, ма мæмæ 'й рарветæ.

Сæумæ Елиа æ фуртæн захта:

— Цо, хумтæмæ фæццо, мах дæр
хумтæ кæми æркæнæн, уой фæууина.

Йе дæр исбадтæй æма фæццудæй.

Хуари-Елта⁴ тотуригурд аст галтемæй
хумæ кæнуй. Цубур гебена æ уæлæ, уо-
темæй готони стукъатæбæл хуæцуй. Æ
фæсте фæццæуей Елиай фурт, ба 'ймæ —
хъæрдтæй ма 'ймæ лæхъуæн исдзурдта:
«Байрай», зæгъгæ.

Йе ба 'ймæ дзоруй:

— Гъай-гъай, байрайон, Тотури гурд
уорсстуæ⁵ сау галтæй хумæ ка кæнуй! Гъ-
ай-гъай, байрайон! Дæуау дзæгъæл хæтун
æнæ хумæ, æнæ хуасæ?!

Йе дæр ин уотæ:

— Ау, ду ба мæнæн уотæ куд зæгъис?!
— зæгъгæ, ма 'й сорунтæ байдæдта. Ху-
ари-Уацелиа дæр æ галтæмæ дзурдта ма
цудæй, ма 'й Елиай фурт æртæ бонемæ
дæр нæ раййафта æмæ тъæпп кæнунмæ
æрцудæй.

Фæ'й — сурдта æртæ бони ма'й нæ
феййафта ма нинцадæй уæдта мам а
мæстæйдзагæй байзадæй.

Кувд кодтонцæ и Нарти астæу, ма Ху-
ари-Уацелиа æхуæдæг кувд кодта æмæ
рарвиста алли изæдтæмæ хонæг. Æрим-
бурд æнцæ.

Елиа дæр æ фуртæн захта:

— Хуари-Уацелиа кувд кæнуй, махмæ
дæр хонæг йес, æма кувдмæ ку фæццæу-
исæ.

Йе дæр æ бæхбæл рабадтæй ма фæц-
цæуей кувдмæ. Æрхъæрдтæй. Фæммедæг
æй æма сæмæ дзоруй:

— Уæ кувд барст уæд, зæгъгæ.

Хуари-Уацелиайән æ къохи ниуазæн
ма 'ймæ дзоруй:

— Æрцæуай, мæ ниуазæн раниуазæ,
зæгъгæ.

Ниуазæн имæ равардта май ин зæгъ-
уй:

— Гъай-гъай, нæ кувд барст! Буду-
ри хумæгæнæг нæ уахтай! Ду мæ хумæ
кæнун нæ уахтай, æма нур цæмæй кувд
кодтайнæ, хумæ ку нæ 'ркодтайнæ, уæд?
— зæгъгæ, ма 'ймæ Хуари — Елиа листæг
никкастæй.

— Ма йе цубурдумæгкин лæг ку ад-
тæй?

— Ма уæд цубурдумæгкин адтæн, нур
ба, уинис, кувд кæнун æма изæдти уæл-
лæй бадун.

Гъе уæдæй фæстæмæ хуасæ ка нæ код-
та, хумæ ка нæ кодта, йетæ æгасæйдæр
косун бæйдæдтонцæ⁶.

НА СОИГСИ.

Ф. Г. А. Дзагурова

Оп. 1. Д. 1. Л. 122-123.

СЫН ЕЛИА⁷

У Елиа сын был гордый, и он у него и не работал, и ничего другого (не делал), и он (Елиа)⁸ очень огорчился.

Елиа сказал:

— Он и меня не слушается и работать не работает, то как это будет?

И он отправился и принес жалобу (пожаловался) Хуари-Уацелиа:

— Мой сын и не работает, не думает (букв.: говорит) и о пахоте, не думает и о сене, он горд и бродит, и я не знаю, что с ним делать.

А он ему сказал:

— Завтра я буду пахать посреди поля, и вышли его ко мне.

Утром Елиа сказал своему сыну:

— Иди, посети пашни, посмотри то, где и мы вспашем.

Тот тоже сел (на коня) и поехал.

Хуари-Уацелиа пашет на восьми быках, рожденных в неделю Тотура. Короткая черкеска на нем, так он держит за ручки плуг. Сын Елиа идет за ним, догнал его и молодой человек сказал ему:

— Возрадуйся!⁹

А тот ему отвечает:

— Конечно, я, кто пашет рожденными в неделю Тотура белорогими¹⁰ черными быками, возрадуюсь! Конечно, возрадуюсь! (Разве) подобно тебе я брожу без пашни, без сена?!

Он тоже ему так (отвечает):

— Неужели, а ты как так говоришь?! — и с этими словами стал его преследовать. Хуари-Уацелиа тоже погнался за своими быками, и сын Елиа и за три дня не догнал его и чуть не лопнул (от злости).

Он гнался за ним три дня и не мог догнать и успокоился, а потом еще он остался обиженным.

В Нарте устраивали пир¹¹, и Хуари-Уацелиа сам устраивал пир и послал приглашение всяким ангелам. Собрались.

Елиа тоже сказал своему сыну:

— Хуари-Уацелиа устраивает пир, и мы получили приглашение (букв.: «приглашающий и у нас был»), и (хорошо было бы) если бы отправился на пир.

Он тоже сел на своего коня и отправился на пир. Прибыл, заехал (въехал) и говорит им:

— Ой, пир ваш угоден (да будет Богу)!

У Хуари-Уацелиа в руке был бокал и обращается к нему:

— Подойди-ка, выпей мой бокал.

Он дал ему бокал и говорит ему:

— Да, да, пир наш угоден (Богу)! Ты не давал пахарю пахать в поле! Ты мне пахать не давал (букв.: «ты мне мешал пахать»), и если бы я не вспахал пашню, то чем бы я теперь устроил пир? — с этими словами Хуари-Уацелиа посмотрел на него пристально.

— А ведь он был короткополый человек?

— Тогда я был короткополым, а теперь, видишь, я устраиваю пир и сижу во главе ангелов.

Вот, с того времени (после этого) тот, кто не пахал, кто не косил, все стали работать¹².

НА СОИГСИ.

Ф. Г. А. Дзагурова.

Оп. 1. Д. 2. Л. 135-136.

Примечания:

1. Пояснение автора статьи.
2. Исп. Байсангуров М. (1931 г.р.), родом из с. Думта, 05.07. 2000 г. в с. Думта зап. Д. В. Сокаева, Ф. М. Таказов. Архив автора статьи.
3. Тексты публикуются с сохранением той орфографии, которую применил Г. А. Дзагуров для сохранения колорита речи рассказчика, и она может расходиться с официально принятой сегодня. Исключением из этого правила для нас является вставка апострофов.
4. Так в тексте, но по логике развития текста нужно читать «Хуари-Уацелиа».
5. Скорее всего: *уорстулаæ* — белотемный. Благодарю за консультацию И. Н. Цаллагову.
6. Осетинский фольклор. Дигорское устное народное творчество. Записи 1905, 1909, 1910, 1911 и 1912 годов от Медоевых Сабе и Базже и др. // НА СОИГСИ. Ф. Г. А. Дзагурова. Оп. 1. Д. 1. Л. 122-123. Записал Г. А. Дзагуров от Сабе Медоева в с. Христиановском, 5 апреля 1909 года.; перевод текста на русский язык Г. А. Дзагурова: Осетинский фольклор. Дигорское устное народное творчество. Записи 1905, 1909, 1910, 1911 и 1912 годов от Медоевых Сабе и Базже и др. // НА СОИГСИ. Ф. Г. А. Дзагурова. Оп. 1. Д. 2. Л. 135-136.
7. Легенда интересна в том отношении, что библейский пророк, христианский, представлен как обыкновенный человек земледельческого труда. — Г. Д.
8. Пояснения в скобках здесь и далее Г. А. Дзагурова.
9. Прямая речь передана прямой речью в таком же порядке, как об этом говорилось в прим. 199 («Осетинская прямая речь передана прямой же речью, слово «зæгъгæ» осталось в этом случае без перевода»). — Г. Д.
10. Г. А. Дзагуров перевел указанное слово как «белорогий»; согласно традиции с образом Тотура в осетинском фольклоре связываются именно белорогие черные быки.
11. Словосочетание «Нарти астаæу» буквально переводится так: «Среди «Нарты» или «среди нартов»». — Г. Д.
12. Когда Сабе закончил свое сказание (легенду), то прибавил: «А это тебе сказание о том, что работать хорошо» (= «Йе ба таурæгъ, косун хуарз ке'й, уой тухæн»). — Г. Д.

*Документы подготовлены к публикации
Д. В. Сокаевой*